

Мольер; подробно рассказал о театре, опере, комедии. Помимо того, что он впервые ввел многие философские термины, он всегда считал нужным пояснить, почему он выбрал данное слово. Сама идея уединенной жизни, «тишины», отчетливо проводимая в книге Фонтенеля, в этот период еще не имела для Кантемира такого значения, как впоследствии. Стихотворение «О жизни спокойной», точная дата создания которого не установлена, в котором этические мысли Сенеки сочетаются с деистическими размышлениями, стоит особняком в его творчестве того времени: хотя он интересуется нравственным учением стоиков (книги Сенеки в примечании к I сатире названы «почти лучшими из древних»), оно не находит благоприятной почвы для принятия его в качестве основ этики, ибо в этот период Кантемир стремится приносить пользу обществу в качестве сатирика, исправляющего злонравия, и верит в силу сатирического смеха. «Таблица Кевика философа», тоже не идущая дальше проповеди личной морали, содержит интересное противопоставление истинного и ложного учения, но не может показать путей исправления порока, ибо это произведение крайне схематично и построено на одних аллегориях, а главное, не определяет цели нравственного самоусовершенствования. При вступлении в жизнь человека встречает Разум и указывает дорогу к благополучию. Но Прелесть всем входящим в жизнь подносит питье с невежеством и прегрешением. Мнения уводят опоенных в пропасть, к беззакониям и злости. Покаяние может освободить от всех бед и подает охоту к учению, которое очищает от несовершенств. Мнение же может отвести к ложному учению, и от него человек впадает в прежние обычаи и состояние. Если человеку и удастся достигнуть дворца добродетелей, то и здесь он не найдет в безопасности от падения в пропасть пороков. Никаких практических выводов эта «загадка Сфинкса» не дает. И все же это был не случайный для Кантемира перевод. Вопрос, на чем должна быть основана мораль, будет интересовать его в сатирах. Но это нравоучительное произведение не ведет к сатирам — оно параллельно им.

К сатирам Кантемир шел от эпиграмм и от других переводов — среди них интересен «Перевод некоего итальянского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов». Как указывает Х. Грасхоф, автором его был итальянский писатель Джiovанни Паоло Марана.⁵⁰ При осмеянии французских нравов вообще, чувствуется демократизм позиции автора: он гораздо чаще нападает на вельмож, торговцев, судей, чем на простой народ. «Вельможи разнятся от прочих сим токмо, что ничтоже творят, чтоб другим было в пользу, и множеством скотин и животных

⁵⁰ Х. Г р а с х о ф. Западноевропейские связи Кантемира.